

Антон Павлович Чехов

Без места
(Рассказы)

Антон Павлович Чехов
БЕЗ МЕСТА

Кандидат прав Перепелкин сидел у себя в номере и писал:

Дорогой дядя Иван Николаевич!.. Чёрт бы тебя взял с твоими рекомендательными письмами и практическими советами! В тысячу раз лучше, благороднее и человечнее сидеть без дела и питаться надеждами на туманное будущее, чем ежели нужно купаться в холодной, вонючей грязи, в которую ты толкаешь меня своими письмами и советами. Тошнит меня нестерпимо, точно я рыбой отравился. Тошнота самая гнусная, мозговая, от которой не отделаешься ни водкой, ни сном, ни душе-спасительными размышлениями. Знаешь, дядя, хотя ты и старик, но ты большая скотина. Отчего ты не предупредил меня, что мне придется переживать такие мерзости? Стыдно!

Описываю тебе по порядку все мои мытарства. Читай и казись. Прежде всего я отправился с твоим рекомендательным письмом к Бабкову. Застал я его в правлении железнодорожного общества N. Это маленький, совершенно лысый старикашка с желто-серым лицом и бритым кривым ртом. Верхняя губа его глядит направо, нижняя налево. Он сидит за

отдельным столом и читает газету.

Вокруг него, как вокруг парнасского Аполлона, на высоких коммерческих табуретках за толстыми книгами сидят дамы. Одеты эти дамы шикарно: турнюры, веера, массивные браслеты. Как они умеют мирить внешний шик с нищенским женским жалованьем, понять трудно. Или они служат здесь от нечего делать, с жиру, по протекции папашей и дядюшек, или же тут бухгалтерия есть только дополнение, а подлежащее и сказуемое подразумевается. Потом я узнал, что они ни черта не делают; работа их валится на плечи разных сверхштатных служащих, безгласных мужчин, получающих по 10–15 рублей в месяц. Я подал Бабкову твое письмо. Он, не приглашая меня сесть, медленно надел допотопное пенсне, еще медленнее распечатал конверт и стал читать.

«Ваш дядюшка просит для вас места, — сказал он, почесывая лысину. Вакансий у нас нет и едва ли скоро они будут, но во всяком случае постараюсь для вашего дядюшки... доложу директору нашего общества. Может быть, и найдем что-нибудь».

Я чуть не подпрыгнул от радости и готов уже был рассыпаться в песок благодарности, как вдруг, братец ты мой, слышу такую фразу:

«Но, молодой человек, будь это место лично для вашего дядюшки, то я бы с него ничего не взял, а так как оно для вас, то тово... уверен, что вы поблагодарите... меня, как следует... Понимаете?..»

Ты предупреждал меня, что даром мне не дадут места, что я должен буду заплатить, но ты ни слова не сказал мне о том, что эти пакостные продажа и купля производятся так громко, публично, беззастенчиво... при дамах! Ах, дядя, дядя! Последние слова Бабкова до того меня огорошили, что я чуть не умер от тошноты. Мне стало совестно, точно я сам брал взятку. Я покраснел, залепетал какую-то чепуху и под конвоем двадцати женских смеющихся глаз попятился к выходу. В передней догнала меня какая-то мрачная, испитая личность, которая шепнула мне, что и без Бабкова можно найти себе место.

«Дайте мне пять целковых, и я вас сведу к Сахару Медовичу. Они, хотя и не служат, но находят места. И берут они за это немного:

половину жалованья за первый год».

Мне бы нужно было плюнуть, надсмеяться, а я поблагодарил, сконфузился и, как ошпаренный, пустился вниз по лестнице. От Бабкова я пошел к Шмаковичу. Это мягкий, пухлый толстячок с красной, благодушной физиономией и с маленькими масляными глазками. Его глазки масляны до приторности, так что тебе кажется, что они вымазаны касторовым маслом. Узнав, что я твой племянник, он ужасно обрадовался и даже заржал от удовольствия. Бросил свое дело и принялся поить меня чаем. Душа человек! Всё время глядел мне в лицо и искал сходства с тобой. Тебя вспоминал со слезами. Когда я напомнил ему о цели своего визита, он хлопал меня по плечу и сказал:

«Надоест еще о деле говорить... Дело не медведь, в лес не уйдет. Вы где обедаете? Ежели для вас безразлично, где ни обедать, так поедемте к Палкину! Там и потолкуем».

При сем письме прилагаю палкинский счет. 76 рублей, которые ты там увидишь, съел и выпил твой друг Шмакович, оказавшийся большим гастрономом. Заплатил по

счету, конечно, я. От Палкина Шмакович по-тащил меня в театр. Билеты купил я. Что еще? После театра твой подлец предложил мне проехаться за город, но я отказался, так как у меня деньги почти на исходе. Прощаясь со мной, Шмакович велел тебе кланяться и передать, что место он может мне выхлопотать не раньше, как через пять месяцев.

«Нарочно не дам вам места! — пошутил он, милостиво хлопая по моему животу. — И зачем вам, университетскому, так хочется служить в нашем обществе? Поступали бы, ей-богу, на казенную службу!» — «Я и без вас знаю про казенное место. Но дайте мне его!»

С третьим твоим письмом я отправился к твоему куму Халатову в правление Живодеро-Хамской железной дороги. Тут произошло нечто мерзопакостное, перещеголявшее и Бабкова и Шмаковича, обоих разом. Повторяю: ну тебя к чёрту! Тошно мне до безобразия, и виноват в этом ты... Твоего Халатова я не застал. Принял меня какой-то Одеколов — тощая, сухожильная фигура с рябой, иезуитской физиией. Узнав, что я ищу места, он усадил меня и прочел мне целую лекцию о

трудностях, с какими получают теперь места. После лекции он пообещал мне доложить, похлопотать, замолвить и проч. Помня твою заповедь — совать деньги, где только возможно, и видя, что рябая физия не прочь от взятки, я, прощаясь, сунул в кулак... Берущая рука пожала мне палец, физия осклабилась, и опять посыпались обещания, но... Одетколов оглянулся и увидел сзади себя посторонних, которые не могли не заметить рукопожатия. Иезуит смутился и забормотал:

«Место я вам обещаю, но... благодарностей не беру... Ни-ни! Возьмите обратно! Ни-ни! Вы обижаете...»

И он разжал кулак и отдал мне назад деньги, но не четвертную, которую я ему сунул, а трехрублевку. Каков фокус? У этих чертей в рукавах, должно быть, целая система пружин и ниток, иначе я не понимаю превращения моей бедной четвертной в жалкую трехрублевку.

Относительно чистеньким и порядочным показался мне объект четвертого рекомендательного письма — Грызодубов.

Это еще молодой человек, красивый, с бла-

городной осанкой, щегольски одетый. Принял меня он хотя и лениво, с видимой неохотой, но любезно. Из разговоров с ним я узнал, что он кончил в университете и тоже в свое время бился из-за куска хлеба, как рыба о лед. Отнесся он к моей просьбе очень сочувственно, тем более, что образованные служащие — его любимая мечта... Был я у него уже три раза, и за все три раза он не сказал мне ничего определенного. Он как-то мямлит, мнется, избегает прямых ответов, точно стесняется или не решается... Я дал тебе слово не сентиментальничать. Ты меня уверял, что у всех шулеров обыкновенно благородные осанки и самый рыцарский апломб... Может быть, это и правда, но сумеешь ли ты отделить шулеров от порядочных. Так влопаешься, что небу жарко станет... Сегодня у Грызодубова я был в четвертый раз... Он по-прежнему мямлил и не говорил ничего определенного... Меня взорвало... Чёрт меня дернул вспомнить, что я дал тебе честное слово наделять всех без исключения деньгами, и меня словно кто под локоть толкнул... Как решаются окунуться в холодную воду или взлезть на высоту, так и я решился

рискнуть и сунуть...

Эх, что будет, то будет! — решил я. — Раз в жизни можно испробовать...

Я решил рискнуть не столько ради места, сколько ради новизны ощущения. Хоть раз в жизни, мол, увидеть, как действует на порядочных людей «благодарность»! Но «ощущение» мое пошло к чёрту. Исполнил я неумело, аляповато... Вытащил из кармана депозитку и, краснея, дрожа всем телом, улучил минутку, когда Грызодубов на меня не глядел, и положил ее на стол... К счастью, Грызодубов положил в это время на стол какие-то книги и прикрыл ими депозитку... Итак, не удалось... Грызодубов депозитки не видел... Она затеряется между бумагами или ее украдут сторожа... Если же он ее увидит, то, наверное, оскорбится... Так-то, топ опсе...[1] И деньги пропали, и совестно... до боли совестно! А всё ты со своими проклятыми практическими советами! Ты развратил меня... Прерываю письмо, ибо кто-то звонит... Иду отворить дверь...

Сейчас получил от Грызодубова письмо. Пишет, что есть в контроле товарных сборов вакансия на 60 руб. в месяц. Депозитку мою

он, стало быть, видел.

Примечания

дядюшка... (франц.)

[^^^]